

Архангельская А.С.

"ЭПИЦЕНТРЫ БЫТИЯ И ДУХОВНЫЕ РЕСУРСЫ ПРИРОДЫ"

“Исторические потрясения и перипетии XX и уже зреющего в умах века XXI-ого могут быть поняты как смещение эпицентра всего человеческого бытия – к полюсу культуры.”

Библер В.С.

Автор предлагает новые подходы и достаточно убедительно обозначает их значимость для формирования современного экологического мировоззрения, а следовательно и новой экологической культуры грядущего столетия. Именно поэтому представляется правомерным введение в поле анализа термина “духовные ресурсы природы” – сопоставимого по аналогии с известным понятием “материальные природные ресурсы”.

В это понятие включается совокупность познавательных (гносеологических), этических, эстетических и психологических аспектов общения “Человек – Мир”. Автор предпринимает также самостоятельную попытку развить мысль В. Библера¹ о смещении эпицентра современного бытия к полюсу культуры. В связи с этим такие глобальные проблемы, как экологическая и т.н. культурологическая, т.е. проблема отчуждения культуры материальной от культуры духовной рассматривается в органической взаимосвязи с позиций поиска выхода из кризиса человеческого Духа и экологического кризиса Природы.

По-видимому, мысль современного философа, никогда не относившего себя к чистым культурологам, предложенная в качестве эпиграфа к нашим собственным размышлениям на заданную тему, вряд ли покажется бесспорной, скорее – приглашением к размышлению, постановкой проблемы. Впрочем, не лишены скрытого, неочевидного, но достаточно сильного притяжения и такие словосочетания в заголовках разделов его книги, как “Диалогика познающего разума. Настройка внимания” или “XX век и бытие в культуре ... Культура как общение культур”.

Попробуем же прикоснуться к некоторым из болевых точек проблемы “смещения эпицентра всего человеческого бытия к полюсу культуры”, исходя из нашего собственного интереса к исследованию феномена “духовных ресурсов природы” вообще, а духовных ресурсов природы человека – в особенности. Настроим же внимание на правомерности введения в поле анализа культурологии стремительно надвигающегося (“зреющего в умах” и сердцах) XXI-ого века понятия “духовные ресурсы природы” - по некоторой аналогии с известным термином “материальные ресурсы”. Мы достаточно ясно отдаем себе отчет в очевидной уязвимости нашей позиции и вполне возможных иронических комментариях тех оппонентов, которые не преминут упрекнуть автора в склонности к некоему неопантеизму. Однако это не только не пугает, но, напротив, стимулирует исследовательский интерес и желание отстаивать свою позицию. Если не навешивать ярлыков, попытаться избавиться от предубеждений, то почему бы не попытаться поискать зерна истины в пантеистических убеждениях некоторых наших предшественников? Ведь и космизм был присущ не только соотечественникам, а и, например, романтическому натурализму англичанина Томаса Карлейля. Он был убежден, что именно философия призвана “разгадать” по символам-эмблемам присутствие пантеистического духа. И, как считал он, некоторые из этих символов микрокосма “являющейся” природы возможно объединить со вселенской природой и вечностью¹. Итак, какой же смысл мы вкладываем в понятие “Духовные ресурсы природы”? Возьмем в качестве отправной логической посылки понятие “отношение”, а еще точнее – “общение”, предусмотрительно подчеркивая, что за ними таится вся многозначность категории “связь” – с цепочкой прямых и косвенных родственников: “взаимосвязь”, “взаимодействие”, “взаимообусловленность” и т.д..

Какие же наиболее важные стороны этого взаимодействия современного человека и природы мы обозначаем в этом понятии? Прежде всего – аксиологические (а в них - в неразрывном переплетении – этические, нравственные и эстетические), а уже потом – гносеологические, психологические и (как ни странно, казалось бы) – юридические, правовые аспекты отношений мира человека и мира природы. Таким образом, “духовные ресурсы природы” – это совокупность аксиологических, гносеологических, психологических и юридических аспектов ОБЩЕНИЯ человека и природы. Если не вдаваться в изнурительную практику поиска идеальных критериев для классификации параметров, то можно принять в качестве рабочей гипотезы право на существование этого понятия, которое каким-то причудливым образом соотносится и с библеровским “эпицентром бытия”. Ибо, что есть “эпицентр бытия”, как не совокупность определенных ценностей? И, быть может, он, этот эпицентр, то плавно, то рывками сдвигающийся к полюсу культуры - не один-единственный, а их несколько? Примерно столько, сколько глобальных проблем?

Здесь необходимо подчеркнуть, что структура той совокупности ценностей, которую мы условно обозначаем как “эпицентр бытия”, не может быть однородной в течение даже 2-х десятилетий, не говоря уже о жизни одного поколения. Происходит или раскачивание “маятника внутри нас” (от полюса жестокости к полюсу сентиментальности, например) или смещение акцентов, а то и целых фрагментов единого целого.

Так, в современной экологической проблематике происходит смещение акцентов в сторону психологии миропонимания (общество “добровольной красоты”, например, или концепция “планетарной этики” Блэкстоуна и его единомышленников).

Следовательно, идет процесс формирования как будто совсем новой экокультуры, нового экологического мировоззрения, в основе которого - планетарная этика Блэкстоуна и "чувство глобальности" Печчеи. Мы имеем в виду известную, ставшую уже хрестоматийной на Западе позицию единомышленников американца Блэкстоуна: "Мы должны признать не только неантропоцентристские ценности и право других видов в царстве животных, мы должны согласиться с тем, что вполне нормально думать о неодоушевленных существах, будто у них есть моральные права. Деревья, реки, горы и океаны, имея моральные права, должны иметь также и права юридические"ⁱⁱⁱ. Нам уже доводилось ранее^{iv} развивать эту мысль следующим образом: "Речь идет о принципе личной ответственности за все живое, об отказе от антропоцентристской точки зрения, которая так ярко была выражена еще Протагором: "Человек есть мера всех вещей". Применительно к современным условиям этот тезис следовало бы перефразировать: "Жизнь есть мера всех вещей", т.е. жизнь как высшая ценность, а, следовательно, самоценность любого произведения природы, в том числе тех, кого мы привыкли считать братьями нашими меньшими. Кстати, один из тончайших отечественных лириков - Афанасий Фет, кого мы справедливо относим к поэтам-философам именно за ту гармоничность миропонимания связи человека и природы, которая сейчас почти утеряна, в свое время заметил о нас самих, что мы - "крупинки жемчуга на звездной тверди". Эта хрупкость бытия человека, по-видимому, - следствие его собственной нераскаянной вины перед матерью-природой, мы же по отношению ко всем обитателям Земли - братья не столько меньшие, сколько неразумные, лишенные мудрости природы. Отсюда необходимость коренной ломки стереотипов мышления, т.н. "взламывания парадигм", - переоценки ценностей в сторону решительного отказа от вольного или невольного высокомерия по отношению к природе. Может быть, ответы подсказаны еще древними? Ибо оказывается, что основания новой экологической культуры - хорошо забытые старые законы (принципы) общения человека и природы, присущие в прошлом человеку дотехнократической эры. В особенности это относится к традиционно гармоническому мироощущению и миропониманию, присущему как восточной, так и отечественной культуре допетровской, а еще более в глубь веков языческой, дохристианской Руси. Остатки языческой ментальности - в некоторых традиционных обрядах, в фольклоре, в былинах и сказаниях, во всем многообразии непрофессионального, подлинно народного творчества. Богатство и неисчерпанность этого многослойного почвенного "пирога" - в основании тех вершин пирамиды духовного творчества, которые давно уже принадлежат не только отечественной культуре. И все-таки нам хотелось бы особенно подчеркнуть опыт восточных культур (не только потому, что азиатского в нас порою поболее европейского менталитета), который оказывается столь необходим европейцам, что взаимообогащение двух культур - Востока и Запада - становится насущной неизбежностью. Это хорошо понимали мыслители не столько далекого прошлого, сколько уже в новое время, в XIX - XX вв. Вряд ли стоит сомневаться в правоте американца Генри Торо, утверждавшего, что нравственное очищение возможно при условии постоянного контакта человека с природой, воплощающей трансцендентный идеал, чистоту, красоту и непорочность.

Так достижимо ли равновесие между познавательной деятельностью человека, его неутолимой жадной познания и девственной целостностью природной среды?

Попытками ответа на поставленный вопрос являются и идеи Альберта Швейцера - призыв к "благоговению перед природой", и Мартина Хайдеггера - "почтительность к Бытию", - а ведь и Швейцер и Хайдеггер принадлежали к вершинам культуры европейской, но вряд ли были европоцентристами.

Подходы к осознанию столь же неразрывной, сколь и противоречивой связи утилитарного и бескорыстного, а следовательно, эстетического отношения к природе - это и подходы к идеям русского космизма, наиболее глубокое выражение получившие в концепции В.И. Вернадского о ноосфере. Следует здесь лишь заметить, что его антропокосмизм есть продолжение и развитие идей не только соотечественников - Ник. Федорова, Вл. Соловьева, Ал. Чижевского и К. Циолковского, но и впервые введшего в научный оборот термин "ноосфера" французского богослова, естествоиспытателя и философа Тейяра де Шардена. Так современная экологическая проблема и поиск выхода из экологического кризиса обогащаются теми этико-гуманистическими позициями, которые предугаданы и подсказаны наиболее проницательными мыслителями - отечественными и зарубежными. В полной мере это относится и к поискам мировоззренческих основ для смягчения и разрешения экологической проблемы Крыма.

Нам представляется, что процесс смещения акцентов в структуре такой дефиниции и такого феномена действительности, как "эпицентр бытия", в сторону культуры - прежде всего проявляется в сфере формирования так называемой новой экологической культуры. Мы намеренно подчеркиваем "так называемой", ибо, как уже было упомянуто выше, основания этой культуры были заложены предками - и более всего они были органично присущи мудрости таких восточных культур, как индийская, китайская и японская. На наш взгляд, особенно любопытно сопоставить проявления "пейзажного мышления" в отечественной и японской поэзии - философской и лирической. Любопытно именно потому, что, казалось бы, истоки "пейзажного мышления" у этих культур несопоставимы. С одной стороны - бескрайность просторов, с другой - замкнутость островного бытия. И, однако, как ни парадоксально, именно в японской любовной лирике и в тончайших оттенках их миниатюр мы находим отклик нашему отечественному миропониманию, столь ярко выраженному в философической лирике не только Афанасия Фета или Максимилиана Волошина, но и целого ряда других поэтов-философов - от Веневитинова, Батюшкова, Тютчева - к Цветаевой, Пастернаку и Арсению Тарковскому. Но вернемся к "японскому чуду", которым принято вот уже десятилетие обозначать феномен маленькой островной страны, восставшей, как птица Феникс, из атомного пепла Хиросимы и Нагасаки и давно уже шагнувшей в третье тысячелетие. Но здесь нам, следуя логике нашей темы, не столь важно проследить за

нитями причудливых переплетений иллюзий патриархальности (средневековые) и другой, главной иллюзии развитого (буржуазного) мира - иллюзии равных возможностей. Эти узоры сами по себе не могут не вызывать интерес исследователя, пытающегося почувствовать (по Дильтею), т.е. – понять душу чужой культуры. Так вот, один из этих путей, который, казалось бы, столь очевиден, просто не всем оказывается доступен - это путь понимания поэзии, истолкования ее метафор и иносказаний, ее намеков и подтекстов. Кстати, именно для японской поэзии, выраженной не только в слове, но и в изобразительном искусстве, столь характерны “недосказанность, наличие намеков, тяготение к иносказанию, ожидание душевного отклика слушателя или читателя, как бы дополняющего произведение, раскрывая его подтекст”^v.

Проблема истоков, причин и проявлений “пейзажного мышления”, теоретически почти не освоенная ни в эстетике, ни в культурологии, еще ждет своих будущих исследователей, и именно для них можно поставить еще один, отнюдь не узкоспециальный вопрос, ответ на который может им помочь найти нужные подходы. Вопрос этот как бы двоящийся, ибо в поисках ответа на него не избежать мостков между рациональным (с экстравертностью Запада) и иррациональным (и склонностью к интровертности и мистике Востока). И так, во-первых - как объяснить отсутствие такого жанра изобразительного искусства, как пейзаж, у очень древних греков и не очень древних художников Ренессанса? Ведь даже для высокого, т.е. позднего Возрождения пейзаж был в лучшем случае фоном для жанровых сцен или библейских сюжетов, в том числе - изображения мадонн у какого-либо окошка, в которое заглядывает фрагмент ландшафта. Во-вторых, при всех достижениях западноевропейского искусства в этом жанре нельзя не иметь в виду, что, например, импрессионистам более всего были интересны впечатления от пейзажей городских, какой-нибудь Лондон в палевом тумане или парижское кафе ночью. А у русских (мы вовсе не имеем в виду национальное происхождение Левитана или Айвазовского) разве не уходящая натура бесконечных просторов тревожила их души и вдохновляла их творчество? Разумеется, уже в постановке вопроса содержится ответ, каким-то косвенным, опосредованным образом связанный и с “национальными образами мира” (по терминологии Гачева). И если, по словам Левитана, Саврасов учил его, что пейзаж надо писать так, “чтобы жаворонка не было видно, но пение его должно быть слышно” при созерцании природы, не в этом ли мироощущении - загадка миропонимания, присущего отечественной художественной школе?

Диалог между культурами идет гораздо дальше “диалогии познающего разума”, ибо подлинное, а не мнимое понимание другой культуры предполагает не столько познание, сколько постижение, а постижение предполагает органическую связь разума и чувства, интуиции и эрудиции.

Казалось бы, нация в частности и многонациональное сообщество бывшего великого отечества в целом, располагая такими запасами сокровищ культуры, соединившей в себе преимущества и восточного и западного менталитета, по определению не могли и не должны были бы допустить тех провалов в отношении к природе, которые свидетельствуют и о бессознательном невежестве простаков, и об его худшем проявлении - вопиющем невежестве так называемых хозяев жизни. Но анализ социально-психологических причин экокризиса на просторах бывшего отечества - тема для особого разговора. Нам же здесь необходимо хотя бы пунктиром обозначить пути выхода из него, а следовательно, наметившиеся направления смещения эпицентра и нашего бытия в сторону культуры.

Какие же принципы должны быть положены в основание вновь формирующейся экологической культуры или нового экологического мировоззрения?

Во-первых - принцип гармонии человека и природы, т.е. органической связи мироощущения, миропонимания и такого мировоззрения, которое обеспечивает осознание человеком себя как неразрывной частицы природы.

Поиск путей, ведущих к “потерянному раю” единства человека и природы в условиях безудержного натиска современной урбанизации - чем более затруднен, тем более необходим, чем сильнее и тотальнее отчуждение, тем нужнее и спасительнее его преодоление.

Во-вторых - принцип личной ответственности каждого человека за все живое на Земле, осознание не только своей зависимости от природы, но и ее зависимости от каждого из нас. Человеку разумному как бы предназначено свыше быть адвокатом, т.е. защитником природы, будь то заповедный ландшафт, или обитатель таежной глуши или морских (черноморских) глубин. Именно эта функция способна защитить человека от самого себя, поможет победить зверя в нем самом. Под метафорой “зверя” мы имеем в виду не абстрактное зло, а инстинкт хищника, намного более опасный в человеческом облике, чем образ царя зверей, недавно пообедавшего, а потому меланхолически провожающего взором пробегающую мимо лань.

Эту опасность в полной мере осознают те крымчане, которые готовы принять на свои плечи нашу личную ответственность за судьбу природы, столь же уникальной, сколь и беззащитной. Известна метафора Пабло Неруды о том, что Крым - это “орден на груди планеты Земля”. Но ордена, если они заслужены, вручают и при жизни, и посмертно. Пока жива еще земля Тавриды - этот неиссякаемый источник не только физического здоровья, но и духовной гармонии Человека и Природы, необходимо ее сберечь. Если русский философ Сергей Булгаков признавался: “Бог дал мне вторую родину - Крым”, то сколько других известных деятелей культуры, чьи жизненные маршруты пересеклись в Крыму, могли бы признаться и признавались - прямо или косвенно в благодатной роли их общения с природой Тавриды! Она – своеобразный энергетический источник развития мысли, появления смелых гипотез, оригинальных идей. Возможно, здесь должна идти речь и о таинствах “экологии непознанного”, т.е. о том, что в народе зовут “зонами Силы”^{vi}.

И сколь многих настоящих и будущих деятелей культуры Крым способен одарить той аурой творческой

одухотворенности, которая отзовется потом в сокровищнице общечеловеческих ценностей!

ⁱ От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в XXI-й век. – М., 1991.

ⁱⁱ Философ. энц. сл. – М., 1983. – С. 248.

ⁱⁱⁱ Карпинской Р.С. Биология и мировоззрение. – М., 1989.

^{iv} Методические рекомендации по философии. – Киев, 1990. – Ч. VII.

^v Японская любовная лирика. – М., 1988. – С. 242.

^{vi} “КП”. – № 72. – 1998. – С. 29.